Закон выживших

Автор:
Дмитрий Силлов

Закон выживших

Дмитрий Олегович Силлов

Апокалипсис-СТСнайпер

После ужасной аварии на Чернобыльской АЭС Зону радиоактивного заражения обнесли кордоном. Проход за колючую проволоку правительство запретило под страхом смерти, ибо там начали происходить страшные и необъяснимые события, о которых населению планеты лучше не знать. В прессе были обнародованы факты: все, кто работал на Четвертом энергоблоке, погибли, радиационный фон в Зоне до сих пор крайне высок, ее территория кишит мутантами и аномалиями, поэтому людям на мертвой земле делать нечего.

Но однажды из Зоны к кордону выходит человек, который говорит, что там, на зараженной земле, остались выжившие, которых еще можно спасти. Правительство срочно формирует группу ученых-спасателей. И единственный, кто сможет провести их к центру Зоны, – это сталкер, который чудом сумел остаться в живых после той страшной аварии.

Дмитрий Олегович Силлов

Закон выживших

© Д. Силлов, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Автор искренне благодарит:

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ, Алекса де Клемешье, писателя и редактора направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ, Алексея Ионова, ведущего бренд-менеджера издательства АСТ; Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Чернобыльской зоне отчуждения за ценные советы; Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru и www.real-street-fighting.ru; Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»; Елену Диденко, Татьяну Федорищеву, Нику Мельн, Виталия «Дальнобойщика» Павловского, Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калинцева, Виталия «Винт» Лепестова, Андрея Гучкова, Владимира Николаева, Вадима Панкова, Сергея Настобурко, Ростислава Кукина, Алексея Егорова, Глеба Хапусова, Александра Розенфельда, Алексея Загребельного, Татьяну Соколову, писательницу Ольгу Крамер, а также всех друзей социальной сети «ВКонтакте», состоящих в группе https://vk.com/worldsillov, за помощь в развитии проектов «СТАЛКЕР», «ГАДЖЕТ», «РОЗА МИРОВ» и «КРЕМЛЬ 2222».

Пролог

Человек шел по Зоне.

Это давалось ему нелегко. Болела нога, которую он едва выдернул из аномалии. Но выдернул удачно, лишь стопу подвернул. Так что, можно сказать, повезло.

Везение в Зоне вещь относительная и непостоянная. Но пока тебя не расплющило в аномалии и не сожрал какой-нибудь мутант, можно считать, что удача тебе сопутствует. И если даже ты разодрал в лоскуты одежду и расцарапал в кровь руки об шипы, продираясь сквозь заросли плотоядных кустов, а твоя распухшая нога при каждом шаге стреляет болью вверх чуть не до горла – это всё пустяки. Потому что ты – живой. А это в Зоне удается далеко

не каждому.

Человек не знал, сколько часов, а может, дней он шел вот так, куда глаза глядят. Серая трава под ногами, серые тучи над головой и полуразвалившиеся серые деревенские дома, встречающиеся по дороге, – всё это уже слилось перед его глазами в сплошную однообразную картину, смахивающую на туман, клубящийся в лощине, похожей на рваную рану в теле земли.

Он давно бы уже упал и остался лежать здесь, прекрасно вписавшись в пейзаж, став еще одним грязно-серым холмом, похожим на свежую могилу. Но его словно что-то подталкивало изнутри, заставляя переставлять задеревеневшие ноги. Что-то, настойчиво требующее идти, жить, бороться любой ценой, даже если сил для борьбы совсем не осталось. И он шел, подчиняясь этим внутренним толчкам, так похожим на удары измученного сердца, не желающего сдаваться.

Из рощи кривых деревьев, изуродованных радиацией, вышла жуткого вида тварь, похожая на человека с неестественно огромным горбом за спиной. Посмотрела на одинокого путника красными глазами без век и зрачков, пошевелила безгубым ртом, в котором едва умещались длинные, кривые зубы, словно пробуя на вкус загустевшую кровь, текущую по жилам измученного человека…

Но, видимо, ментальная дегустация горбуна не устроила. Его уродливое лицо скривилось, став похожим на гриб-паразит, что выжирает деревья изнутри. Харкнув себе под ноги, мутант развернулся и скрылся в роще, обсыпанной хилой ярко-рыжей листвой.

Но человек не заметил горбуна. Все его мысли были заняты лишь одним – идти, идти, идти не останавливаясь. Куда идти? Зачем? Он не задавал себе этих вопросов, потому что все его мысли были заняты лишь одним: нужно заставить себя сделать очередной шаг. Потом еще. И еще…

Человек споткнулся и едва не упал. Это заставило его оторвать взгляд от дороги, по которой он шел, посмотреть вперед – и немного ускорить шаг. Оказывается, серый туман впереди стал другим. Да и не туман это был вовсе, если присмотреться.

По бокам старой, разбитой асфальтовой дороги маячили два двухэтажных кирпичных здания. Саму дорогу перегораживали баррикады, сложенные из мешков с песком, лишь неширокий проход оставался между ними, грузовик едва протиснется. От зданий вправо и влево тянулись ряды колючей проволоки, над которыми маячили наблюдательные вышки.

В голове человека всплыло слово «блокпост». Однако значения его человек не помнил. Или вообще не знал никогда. Просто слово. Одно из многих, которые бесцельно плавали в его голове, словно бестолковые рыбы в затхлой воде пруда-охладителя.

Путник наморщил лоб, пытаясь вспомнить, что такое «пруд-охладитель», но его вновь словно что-то подтолкнуло изнутри – надо идти.

И он пошел, приволакивая больную ногу и отчаянно стараясь идти быстрее…

* * *

Рядовой Романенко, дежуривший на вышке, увидел движение на шоссе. Мутант? Надо же! Наконец-то. За месяц службы на КПП «Дитятки» он ни разу не видел мутанта, о которых снисходительно, сквозь зубы рассказывали «деды», с их слов расстрелявшие не одну сотню этих тварей. И вот наконец – он самый! Настоящий! Может, отпуск дадут, если удастся положить тварь раньше, чем ее заметит ефрейтор Степанов с соседней вышки. Или лычку на погон, что тоже неплохо для начала.

Рядовой приник к пулемету, прищурился, выдавил половину слабины – и отпустил спусковой крючок.

Потому что по дороге шел человек. Грязный, оборванный – но человек. Не мутант, которых внутренняя инструкция строжайше предписывала расстреливать при приближении к кордону.

Романенко оставил пулемет и подошел к телефону, прикрепленному к одной из стоек вышки. Поднял трубку, нажал кнопку внутренней связи с начальником караула:

– Товарищ лейтенант, – дрожащим от волнения голосом произнес рядовой. – Там… В Зоне…

– Что там в Зоне? – раздался недовольный голос в трубке. – Доложите по форме, рядовой. Опять крысособаку увидели и наложили в штаны от удивления?

– Там человек… – промямлил Романенко. – Идет по шоссе.

– Мутант? – Голос лейтенанта на другом конце провода мгновенно стал деловым и сосредоточенным. – Вы помните плакаты, на которых они изображены, рядовой? Это один из них?

– Никак нет, – выдохнул Романенко, уже мысленно видя себя на гауптвахте за то, что не поступил так, как предписывала инструкция. – Это мужчина. Оборванец какой-то. Хромой, еле идет.

– В Зоне давно уже нет людей, – отрывисто произнес лейтенант. – Поэтому я приказываю немедленно открыть огонь…

– Отставить, – расслышал рядовой жесткий командный голос, рявкнувший рядом с лейтенантом. – Что значит «нет людей»?

– Рядовой с вышки номер два докладывает, что к блокпосту со стороны Зоны приближается человек, – отчеканил начальник караула. – Согласно инструкции…

– Я приказываю отставить огонь, – перебил его голос.

Похоже, это командир батальона государственной службы охраны кордона случайно зашел в караульное помещение, ведь только он был способен реветь так, что дрожат стекла в окнах и мембраны телефонных трубок, прижатых к чужому уху. – Надо ж разобраться, что там за типы по Зоне шастают. А вы, товарищ лейтенант, разберитесь, почему докладывает только вторая вышка и какого мясоглота сейчас делает наблюдатель на первой.

Глава 1

Самое главное, когда ночью идешь через кордон, это чтоб тебя с вышек не заметили, пока ты к дороге ползешь, прячась в траве. Это Богдан трем «туристам» хорошо втолковал. Ползли те правильно, старательно прижимая животы к мокрой земле, раскисшей от вечернего дождя. Прожектора на вышках медленно и основательно обшаривали своими лучами окрестности кордона, но высветить одетых в камуфляжи четверых человек из-за высокой травы было нереально. Тем более что по тихой команде Богдана «туристы» мгновенно замирали, наверняка уже мысленно жалея о том, что ввязались в столь опасную авантюру. Они все жалеют. Но коль влез в это дело, то отступать поздно.

Они ползли уже больше часа. Руки «туристов», цепляющиеся за мокрую землю, уже одеревенели от холода, мышцы с непривычки болели и требовали отдыха. Но они продолжали ползти, так как понимали: здесь, на этом поле, ни деньги не властны, ни связи, ни положение в обществе. Здесь что есть они, что нет их у человека – пуле всё равно.

Наконец меж стеблями травы Богдан разглядел две вышки, натянутые меж ними ряды колючей проволоки и отлично простреливаемую дорогу, отделяющую поле от кордона. С ночным зрением у Богдана всё было замечательно, лучше, чем у подавляющего большинства населения планеты. Стало таким после… Впрочем, думать о прошлом лучше потом, после дела. Главное, что нормально вышли – вернее, выползли к конечной точке, так, как хотелось. Теперь осталось дождаться, когда проедет БТР внешнего охранения, и можно действовать.

Вдали послышалось утробное урчание, нарастающее с каждой секундой. Молодцы «внешники», едут точно по графику, не придется ждать их, рискуя заработать простатит, лежа на холодной земле.

Бронетранспортер прогрохотал в пяти метрах от носа Богдана. Так, теперь надо, чтоб лучи прожекторов разошлись в разные стороны… Тридцать секунд, минута, полторы…

– Долго еще? – послышалось сзади недовольное шипение. Это, небось, тот блондин возбухнуть решил, самый богатый и потому самый наглый в группе.

Богдан не удостоил его ответом. Две минуты…

Пора!

Максимальный разброс лучей продлится недолго, потом они начнут сходиться, словно ножницы. И не дай Зона попасть под один из них. Потому что рядом с оператором прожектора на вышке всегда находится пулеметчик, у которого задача только одна – стрелять по любой подозрительной кочке, тени, странному шевелению травы, а уж по сталкерам, подобравшимся слишком близко к охраняемой территории, и подавно.

Этот кордон не единственный. В полукилометре позади осталось хилое неохраняемое ограждение, так называемое «Второе кольцо», на котором развешены предупредительные таблички: «Стой! Запретная зона. Ведется огонь на поражение!» Ради тех табличек его и установили, натянув меж столбами несколько рядов колючей проволоки, под которыми запросто пролезть можно, просто приподняв их ножом. А вот с кордоном всё гораздо сложнее. Если, конечно, не знать некоторых секретов. Например, того, что под колючкой как раз между вышками проходит дренажная труба.

Сразу за кордоном начиналась болотистая местность. Когда его городить начали, кое-где такие трубы заложили, чтоб в проблемных местах гнилую воду от вышек отвести. Ну, и замаскировали их как следует. И охрану предупредили, мол, следите за ними, кабы чего не вышло. Тогдашнюю охрану. С той поры много воды утекло – и в прямом, и в переносном смысле. Не один батальон государственной службы охраны кордона сменился за эти годы, и про отлично спрятанные трубы все давно забыли.

Кроме тех, кто помогал строить этот кордон. Таких, как Богдан. Правда, большинство тех строителей уже либо умерли от радиации, которая тут послабее, конечно, чем в Зоне, но тем не менее, либо спились, пытаясь залить самогоном всякие-разные воспоминания. Поэтому не исключено, что теперь месторасположение всех тех труб только он один и знал…

– Сюда, быстрее, – прошипел Богдан в темноту, одновременно разрывая сырую землю в месте, отмеченном неприметной палочкой. Почти сразу рука наткнулась на стальное кольцо, за которое Богдан и потянул изо всех сил.

Раскисшая почва недовольно чавкнула, освобождая из своих объятий отлично замаскированный люк. Куда Богдан и загнал всех троих «туристов», после чего

залез сам, аккуратно прикрыв за собой стальную блямбу люка.

Ползти пришлось долго, причем по мерзкой, вонючей жиже, скопившейся на дне трубы. Тем, кто полз впереди, пришлось хуже, чем Богдану, для которого «туристы» вытерли почти всю грязь своими телами.

– Я не могу больше, – заныл кто-то впереди, похоже, тот самый блондин. – У меня клаустрофобия. Я домой хочу.

– Заткнись, сволочь! – зашипел Богдан. В замкнутом пространстве трубы его змеиное шипение прозвучало особенно зловеще. – Хочешь, чтоб нас всех перестреляли?

Богдан не случайно замыкающим полз. Чисто чтоб вот такие хлюпики не запаниковали, заднюю не включили и не ломанулись обратно, под пулеметы.

Видимо, перспектива быть застреленным блондина впечатлила, и он продолжал ползти, лишь пару раз всхлипнув. То ли жижа в нос попала, то ли слезами залился. С «туристами» часто случается и то и другое. Ну а что? Возжелали богатеи-экстремалы почувствовать себя настоящими сталкерами – нате, чувствуйте. Причем это еще цветочки. Чем дальше в Зону, тем сильнее ощущения.

Но всё рано или поздно заканчивается. Труба – тоже.

– Здесь тупик, куда дальше?

Это, видимо, бородач сказал, который первым полз. Наиболее серьезный мужик из всей компании, плечистый и хмурый, слова лишнего не скажет. Похоже, побывал где-то, видел чего-то. Просто так богатыми и молчаливыми не становятся. Возможно, и получился бы из него сталкер, кабы жизнь не задалась, да судьба сложилась соответствующе. Но состоятельные люди сталкерами не становятся. Незачем им это. Разве что вот так, на нелегальную экскурсию сходить, нервы пощекотать.

– Дальше люк у себя над головой толкай, только осторожно, – негромко сказал Богдан. – Осмотрись, и если всё тихо – вылезай.

Бородач подчинился, правда, крышку люка толкнул сильнее, чем надо было. Так, что она, резко открывшись, смачно шлепнулась на сырую землю.

– Тихо, мля! – выдохнул Богдан – и сцепил зубы, давя надсадный кашель, рвущийся из груди. Вот ведь не вовремя! Вроде и таблетками закинулся перед выходом, двойную дозу в себя загрузил. Но в последнее время лекарства помогали всё хуже. То ли подделки Бармену привозить стали с Большой земли, то ли лёгкие стали гореть быстрее, чем прогнозировал фельдшер в военном городке. Да и что тут спрогнозируешь? Лучевая болезнь на редкость капризная тварь. Захочет – оставит тебя какое-то время помариноваться в собственном соку, а захочет – сожрет в считаные дни. Тут уж как повезет.

«Туристы» замерли, кажется, даже дышать перестали. Прошла минута, вторая… Вроде тихо.

– Выходим… по одному, – просипел Богдан. – И не разбегаемся. Лежим, ждем меня.

– Принято, – виновато прогудел бородач. Понял, что накосячил. Редкий случай. Обычно богатые всегда правы и всегда всё знают. До тех пор, пока их кишки в разные стороны не разлетятся.

Богдан вылез последним. Так, вроде все на месте. Лежат, ждут указаний. Хорошо.

Тщательно замаскировав люк, сталкер осмотрелся. Вышли они, как и планировалось, метрах в пятидесяти от ближайшей вышки. Ночью прожектора редко в Зону светят, охрана больше за внешним периметром следит, чтоб кто-то из сталкеров через кордон не пролез. А внутренний периметр и так более-менее видно по ночам, без прожекторов. Это из-за звезд. В Зоне их на небе явно больше, чем на Большой земле, прям всё оно ими усыпано, будто дырки в дуршлаге, который с обратной стороны фонариком подсветили. Причем мерцают они прямо сквозь тяжелые свинцовые тучи, которыми в Зоне небо затянуто постоянно. Странное явление. Пожалуй, единственный стопроцентный критерий отличия Зоны от нормальной, не зараженной территории – если не считать искусственно созданного кордона, конечно.

Но, несмотря на то что сюда прожекторами светили от случая к случаю, расслабляться всё равно не стоило. Мало ли что взбрендит в голову охране на вышках. А развернуть пулемет из положения туда в положение сюда – минутное дело.

Далее по программе полагалось провести группу до заброшенной деревни с ветхими домами, вросшими в землю чуть не по самые окна. Теми самыми, в которых по ночам странные огоньки светятся, будто безобидные светляки по дому летают. А зайдешь внутрь – и нету их. Куда делись? Да все в тебе уже. Кушают. Но не больно. Поймешь, что произошло, только когда кровь хлынет из всех отверстий. По большому счету, добрая и безобидная аномалия, которая убивает быстро и безболезненно. В отличие от других.

После деревни на болото предполагалось сходить, да так, чтоб обязательно увидеть мясоглота. Это в устном контракте обговаривалось особо. Правда, о том, что будет, если его и вправду увидеть, не упоминалось. Потом в лесок, на лужайку, где пасутся двухголовые зайцы, – и домой, то есть обратно в трубу. Очень быстро, чтоб успеть до рассвета.

Интересная экскурсия, в общем, для тех, кто любит пощекотать себе нервишки, пройдясь немного по самому краешку Зоны. Насчет вглубь, естественно, речи не было, самоубиться можно и проще, и дешевле, и намного безболезненнее. Естественно, такая прогулка удовольствие не из дешевых, ибо всё незаконное и связанное с Зоной всегда очень дорого стоит. Ну а чего удивляться, если проникновение за кордон чревато десятью годами заключения? Однако всё равно многие люди рвутся сюда, готовые рисковать деньгами и свободой. А если есть спрос, то будет и предложение.

– Ну что, вроде можно выдохнуть, – тихо произнес бородач. – Получилось.

Зря он это сказал, конечно. Даже если сходил за кордон и удачно вернулся, говорить об этом на Большой земле категорически не рекомендуется, мало ли кто услышит и доложит куда следует. А уж в самой Зоне об успехе трепаться вообще нельзя, сглазишь.

И то, что произошло в следующее мгновение, лишнее тому подтверждение.

Внезапно с четырех сторон словно из ниоткуда появились темные тени, раздалось почти синхронное клацанье, с которым патрон досылается в патронник автомата, и на редкость мерзкий голос заорал:

– Стоять, мля! Это государственная служба охраны кордона! Быстро попадали мордами в землю и сцепили руки на затылке!

Видимо, бородач не привык к такому обращению, небось на Большой земле солидный пост занимал. Презрительно сплюнув, он с ухмылкой поинтересовался:

– Так стоять или падать? Ты уж определись.

Это он, конечно, зря. Богдан, например, сразу определился и уже лежал как сказали, прикрыв затылок ладонями на всякий случай. Правда, смотрел снизу вверх, что будет.

Блондин со вторым «туристом» тоже пока еще стояли на ногах, видать, тоже положение в обществе позволяло класть с пробором на все существующие службы охраны. Однако они не знали, что полномочия «кордонных» простираются гораздо выше, чем они могут себе представить.

– На землю, паскуда, быстро! – рявкнул начальник патруля, занося приклад автомата для размашистого удара.

И это было ошибкой. Видать, бородач в перерывах между бизнес-встречами боксом увлекался, поэтому сработал на опережение, врезав начальнику точно в челюсть.

Послышался звук падающего тела, после чего Богдан на всякий случай, глубоко вдохнув, спрятал лицо поглубже в грязь. Ему не надо было смотреть для того, чтобы понять, что сейчас происходит. По звукам было ясно.

Смачные, резкие удары прикладов и тяжелых берцев совпали с воплями «туриста». Какой бы ты крутой боксер ни был, а против четверых бойцов, хорошо обученных лупить ногами в пах и прикладами по почкам, устоять не получится.

В общем, «туристов» положили за несколько секунд и еще где-то с минуту буцкали ногами, вышибая спесь, крутизну и уверенность в собственной неуязвимости. Богдану тоже пару раз досталось по ребрам, но больше для порядку. Это, считай, не били, а так, отметились. В данном случае целые ребра – это, можно сказать, подарок за послушание. После чего раздались знакомые стрекочущие звуки – это на запястьях пленников затянули наручники. Потом сильные руки выдернули Богдана из грязи, ствол автомата ткнул в позвоночник, и всё тот же мерзкий голос произнес:

– Ну что, сволочи, погуляли за кордоном три минуты? Теперь готовьтесь за это десять лет другую зону топтать, которая пишется с маленькой буквы. Шагом марш до КПП, и не дай Зона вам хоть один шаг в сторону сделать. Пристрелим как шелудивых крысособак, и нам за это только благодарность объявят.

* * *

Однако часом позже Богдан уже подходил к бару «Второе кольцо», находящемуся неподалеку от того самого хилого периметра с развешенными на нем табличками угрожающего содержания. Бар являлся главной достопримечательностью села Ораное, в брошенных жителями домах которого квартировали многие охранники кордона – те, кому было лень после смены мотаться за сто километров до Киева, а потом столько же обратно на работу. Ну а какие еще развлечения в заброшенном селе? Правильно, бар, который одновременно и столовая, и магазин, и место, где можно узнать все местные новости и поделиться своими, если таковые имеются.

Со вчерашнего дня, когда Богдан был здесь в последний раз, обстановка никоим образом не изменилась. Те же деревянные, грубо ошкуренные столы и длинные скамьи, ерзать на которых категорически не рекомендовалось, ибо, пренебрегая этой элементарной техникой безопасности, посетитель имел практически стопроцентную гарантию на память о Зоне получить пучок заноз в филейные части.

На бревенчатых стенах хозяин заведения развесил головы и шкуры мутантов, в большинстве своем поддельные, ибо за настоящую голову взрослого мясоглота с неповрежденным черепом можно было купить весь этот бар вместе с потрохами его хозяина. А тех голов щерилось со стен аж две штуки, пугая белыми пуговицами глаз свеженьких туристов.

Военные, кстати, против официальных туристов ничего не имели, если те не пытались пролезть за кордон. Из Киева каждый день приходили несколько официальных автобусов с любителями острых ощущений. Любопытствующим разрешалось издали поглазеть на кирпичные будки КПП «Дитятки», послушать хриплые вопли матюгальника, призывающего сознательных граждан Украины и сопредельных стран не пытаться проникнуть на охраняемую территорию, посетить музей в селе Ораное с чучелами мутантов, расстрелянных с вышек, и макетами аномалий, которых в большинстве своем никто из вояк в глаза не видел. А также перед тем, как загрузиться обратно в экскурсионный автобус, туристам было дозволено пожать напоследок твердую как лошадиное копыто ладонь сурового воина в камуфляже, охраняющего не Зону от нас, а нас от Зоны.

Конечно, многие уезжали разочарованными. И потом возвращались обратно, уже поодиночке, чтобы выяснить у радушного Бармена, нельзя ли как-то всё-таки побывать за кордоном. И выяснялось, что можно. Но с риском попасться охране. Также экстремалы узнавали, что на вышках есть пулеметы, но тот очень опытный сталкер, который их поведет, точно знает, как пройти на ту сторону совершенно безопасно для жизни и здоровья.

Тем, кто был особо недоверчив, Бармен показывал старую газету с портретом Богдана и обширной статьей о том, как молодой спасатель единственный смог выйти из эпицентра аварии и даже вытащить оттуда на своих плечах полумертвого ученого.

Обычно после этого у сомневающихся отпадали все вопросы. Бармену выплачивалась нехилая сумма, и этой же ночью легендарный сталкер уже заставлял отчаянных экстремалов месить животами грязь, ползая сначала по полю, а потом по тесной трубе.

А потом наступала развязка. Группу «принимала» охрана, которая, само собой, была в курсе происходящего, и начинала крутить пленников на бабки, стращая десятилетним сроком заключения. Но Бармен с Богданом в те дела не лезли. Это уже была не их часть бизнеса, который не сказать чтобы процветал, но позволял обоим получать взаимоустраивающий и относительно постоянный доход.

Богдан подошел к стойке. Бармен, деловито протирающий стакан, поставил его на поднос, кивнул сталкеру, сунул руку в карман и положил на стойку не особо толстый конверт.

– Твоя доля.

Богдан знал – можно не пересчитывать. С этим толстяком его связывали давние деловые отношения, и Бармен не станет мелочиться, пытаясь отжать себе пару лишних купюр. Хотя, надо признать, сквалыга он редчайший. Но не в данном случае.

В это время дня народу во «Втором кольце» было немного, поэтому Бармен был не шибко занят и явно настроен потрепаться.

– Как всё прошло? – поинтересовался он, наливая Богдану на три пальца в только что протертый стакан.

– Как всегда, – пожал плечами сталкер. – Сейчас стрясут с клиентов положенное да отпустят с миром. Хотя я рад, что один из них зарядил Кривому Тарасу в челюсть. Она у него давно напрашивалась на встречу с чьим-нибудь кулаком.

– Это обойдется ударившему в лишнюю пару тысяч зеленых, – хмыкнул Бармен. – Нехилая цена за одну-единственную трендюлину.

– Будь у меня лишние деньги, я б не отказался от такой развлекухи, – заметил Богдан, пряча конверт за пазуху. После чего взял стакан, махнул его залпом – и закашлялся. Надрывно, с присвистом, не так, как кашляют те, кому местная самопальная водка пошла не в то горло.

Прошло не меньше минуты до того, как приступ утих. Богдан отнял руку от рта, глянул.

На ладони расплылась густая белесая слизь с длинными красными прожилками. Плохо, конечно, но пока не критично. Мокро?та с кровью – это не то, что кровь без мокро?ты. Конечно, ничего хорошего, но не смертельно. По крайней мере, в самые ближайшие дни.

– Всё плохо? – поинтересовался Бармен, протягивая салфетку.

– Нормально, – буркнул Богдан. – Подёргаюсь еще. С некоторых пор у меня возникает ощущение, что во мне живут два человека. Один – здоровый кабан, а

другой – алкаш, разлагающийся заживо от лучевой болезни. Впрочем, плевать. Есть новые клиенты?

– По нашей части пока нет, – покачал головой Бармен. – И в ближайшее время не предвидится. Это в Зоне всегда вечная осень, а у нас зима на носу. Сам знаешь, уже сейчас мало желающих по стылой земле ползать. А уж как снег выпадет, так вообще считай сезон закончен. К тому же говорят, о наших с тобой делах слухи поползли, так что бизнес может вообще накрыться медным тазом.

– Понимаю, – кивнул Богдан, рассеянно крутя между пальцами пустой стакан. В который Бармен снова налил, но уже не на три пальца, как обычно бывало после удачно проведенной «экскурсии», а почти до краев. Также он вытащил из холодильника большой бутерброд с копченой свининой, положил его на тарелку и придвинул к Богдану. Поймав его удивленный взгляд, Бармен кивнул:

– За счет заведения.

– Не пояснишь, с чего такая щедрость? – поинтересовался Богдан.

– От широты души, – хмыкнул толстяк. Правда, тут же стал серьезным. Теперь его многозначительная физиономия немного смахивал на морду мясоглота, голова которого была прибита к стене над дверью заведения. – Видишь ли, какое дело. Пока ты сегодня днем к рейду готовился, охрана кордона задержала человека, вышедшего из Зоны.

– Сталкера, который вылез из дренажной трубы, рискнул углубиться в Зону больше, чем на полкилометра, а после прибежал обратно, заикаясь и с полными штанами? – предположил Богдан.

– Ошибаешься, – покачал головой Бармен.

Богдан глянул на его серьезное лицо и понял: толстяк не шутит. У него связи в батальоне охраны, и самые горячие новости он узнает первым. Причем эта новость явно не из разряда тех, над которыми посмеялись и забыли.

– И кто же это такой? – поинтересовался Богдан.

– Без понятия, – пожал плечами Бармен. – Оборванец, которого сразу же сунули в карантин, хотя ученые из Института аномальных зон тут же послали запрос насчет того, чтоб забрать его себе. Но правила есть правила, пусть даже их составляли сразу после аварии на ЧАЭС. Поэтому яйцеголовые обломались, и сейчас тот тип валяется в медпункте военного городка под усиленной охраной.

– А усиленная охрана – это сопливый рядовой-срочник возле двери, которому ради такого дела дали подержать автомат, – задумчиво пробормотал Богдан. – Я тебе, конечно, верю, но не может быть, чтоб в Зоне остались живые люди. Ты же знаешь, я сам несколько раз пытался пробиться к ее центру. Нет там никого. Только мутанты, аномалии да старые кости погибших спасателей.

– Пытался – но не пробился же, – прищурился Бармен. – Многие пытались. Без толку. И хрен его знает, что там в центре Зоны творится, если даже на километр никому не удалось еще в нее углубиться. Ты же знаешь, что еще никто не вернулся обратно из тех, что ушли в дальний рейд. Кроме тебя.

– Я тоже не прошел дальше Залесья, – покачал головой Богдан. – Ни в первый, ни во второй раз. «Дуга» выжигает мозги так, что кровь течет из носа и ушей, а перед глазами встают тени тех, кто погиб по твоей вине. И смотрят, смотрят…

– Ладно, хорош тебе, сталкер, – сказал Бармен, хлопнув широкой ладонью по стойке. – Короче, слушай. У того парня, что сейчас в карантине лежит, на плече такая же татуха набита, что и у тебя. Инфа сто процентов, я за нее половину ящика тушенки отдал.

– Такая же…

Богдан зажмурился, не веря своим ушам.

Много лет назад только-только пришел он в отдельный аварийно-спасательный батальон – и сразу попал на ликвидацию. Тогда при пробном пуске реактора Первого энергоблока Чернобыльской АЭС произошел разрыв технологического канала. От того разрыва радиоактивной пылью несколько тысяч километров накрыло. Пришлось срочно эвакуировать пострадавших и дезактивировать фонящие участки. Тогда Богдан и узнал, что это такое, когда стрелка дозиметра ложится на край шкалы, а у людей, попавших в эпицентр без противорадиационной защиты, кожа с рук слезает, словно перчатки.

Но тогда дело замяли. Особо отличившихся наградили солидными денежными премиями, а молодняк, который до серьезных поощрений не дорос, получил дополнительные продуктовые пайки, а также право набить себе на плече изображение щита со знаком радиационной опасности в центре и гордой надписью поверху: «Спасатель».

И вот теперь Бармен говорит, что из Зоны вышел человек с такой же наколкой на плече.

– Я должен его увидеть, – сказал Богдан.

– Исключено, – покачал головой Бармен. – В лучшем случае загремишь в госбезопасность за попытку выведать секрет государственной важности, в худшем – пристрелят за попытку проникновения в карантин, ты же знаешь правила. Да и незачем тебе это. Я всё узнал. Тот оборванец совершенно невменяемый. Только твердит: «В центре Зоны остались выжившие… Не могут выбраться… Спасите…» Всё. Больше ничего не говорит. Будто запись на каком-то внутреннем магнитофоне прокручивает. И да, вот его фото.

Богдан глянул на снимок, который Бармен достал из кармана. С нечеткой фотографии на сталкера смотрел безумными глазами совершенно незнакомый человек примерно его возраста.

– Понятно, – буркнул Богдан.

Толстяк прав. Лезть в карантин – самоубийство. И слабая надежда, вспыхнувшая после слов Бармена о человеке, вышедшем из Зоны, угасла после взгляда на фото. Ничего удивительного, тогда в эпицентре катастрофы работало множество людей…

– Ну и зачем ты мне сейчас вывалил всю эту инфу?

– А вот зачем.

Глаза Бармена стали мечтательными. Они у него всегда такими становятся в предвкушении хорошего куша.

– Обломавшись с тем, чтобы получить подопытного, ученые из Института аномальных зон нажали на кое-какие рычаги сверху. И им оттуда спустили разрешение послать к центру Зоны исследовательскую группу, экипированную всем необходимым, с целью спасти выживших – если таковые, конечно, там остались. Благородная миссия, а?

Богдан невесело хмыкнул.

– Забавно. Очередная команда совершенно неподготовленных ученых-самоубийц, решивших пожертвовать своими жизнями ради науки. Мало их, что ли, полегло в Зоне?

– Эти подготовленные, – покачал головой Бармен. – Военные ученые, работавшие в оборонке. Специальная международная команда специалистов для исследования особо опасных природных объектов, снабженных самым современным оборудованием. Они в Институте уже месяца три ошивались, пороги обивали, чтоб их в дальний рейд пустили. И вот наконец добились своего. Единственное, чего им не хватает, – опытного проводника, который доведет их до центра Зоны. Что скажешь? Институт из своего фонда готов выплатить гонорар, который тебе и за полсотни «экскурсий» не заработать.

– Оперативно они сработали, – криво ухмыльнулся Богдан. – Уже и кучу нового самоуверенного мяса готовы забросить на зараженные земли, Зоне на прокорм. Но ты ж понимаешь, я больше туда и за гору золота не пойду. Так что не уговаривай.

– Аномалий, мутантов и радиации боишься? – усмехнулся толстяк.

Богдан презрительно сплюнул на пол.

– За свою жизнь боятся те, кто планирует жить дальше. А мне немного осталось. Просто, знаешь, есть вещи похуже смерти.

Махнув стакан, он занюхал спиртное рукавом, проигнорировав бутерброд. После чего вытащил из конверта купюру, положил ее на стойку.

– Сдачи не надо.

Бармен нахмурился.

– Я ж сказал, за счет заведения.

Богдан покачал головой.

– Этот стакан я за счет бара не заработал.

После чего слез со стула и, не прощаясь, вышел на улицу.

С некоторых пор алкоголь почти перестал брать его, пился почти как вода, лишь слегка обжигающая горло. Верный признак того, что болезнь прогрессирует, потихоньку поднимаясь вверх, метастазами захватывая пищевод и дыхательные пути. Наплевать. Любой сталкер жив до тех пор, пока не превратится в кучу дохлой радиоактивной плоти. Но покуда руки-ноги шевелятся, а голова худо-бедно работает, он никогда не сдастся, цепляясь за жизнь грязными, обломанными ногтями. Иначе какой он, к чертям крысособачьим, сталкер?

* * *

Жил Богдан неподалеку от бара, в одноэтажном домике, которых навалом в большом селе Ораное. Пустых. Брошенных. Заходи, располагайся, никто слова не скажет. Хозяева давно съехали, опасаясь подхватить лучевую болезнь. Здесь фон от Зоны небольшой, но всё равно завышенный, поэтому есть реальная опасность накопить критическую дозу облучения. Не зря ж охрана кордона каждые три месяца меняется полностью, иначе, если солдаты начнут дохнуть как отравленные крысы, может случиться международный резонанс, который правительству нафиг не сдался. А то отребье, что кучкуется в Ораном, высокопоставленных лиц не интересует. Биомусор – он и есть биомусор, чем быстрее загнется, тем лучше.

Между тем в селе присутствовала своя жизнь. Несколько больших домов, расположенных в непосредственной близости к КПП «Дитятки», забрала себе охрана кордона, гордо окрестив их военным городком. А в остальных строениях жили различные криминальные и полукриминальные элементы. Поставщики дефицитных и часто нелегальных товаров для военных и туристов. Девицы легкого поведения и их сутенеры. Подозрительные личности, об источниках

доходов которых можно было только догадываться. Бомжи, которые словно тараканы быстро собираются там, где есть крыша над головой и можно поживиться хоть чем-нибудь. Ну и, конечно, бандиты. Они всегда мгновенно появляются там, где есть бизнес, не успевший попасться на глаза правоохранителям и государственным чиновникам.

Из Ораного всех конкурентов в этом вопросе уже с полгода как выкурила банда с говорящим названием «Мародеры», которое члены ее произносили гордо и с вызовом. Причем многие наверняка слабо понимали значение этого звучного слова, но это им было и не нужно. На другое учились.

С бандитами Богдан не конфликтовал. Отстегивал «Мародерам» небольшую долю со своих рейдов, и те его в упор не замечали. Можно было, конечно, попытаться построить из себя героя, но зачем? Дань бандиты назначили необременительную, а вот обнаружить себя однажды привязанным к дереву в ближайшем лесу со снятой кожей как-то не хотелось.

А такие случаи бывали. Главарь банды не случайно имел погоняло Палач – он славился своей жестокостью, но в то же время слыл основательным, рассудительным бродягой, который идет на крайние меры лишь в исключительных случаях. Богдан знал Палача лично, выпивали даже вместе пару раз, так что с бандитами у сталкера было всё ровно. Как и с другими жителями села Ораное. Люди ж не звери, при желании с любым договориться можно.

Правда, случались в селе залетные, которые не знали про местный уклад. Либо знали, но клали на него с пробором. Таких сельчане вразумляли сначала устно, а потом, если что, – и письменно. То есть расписывали ножами в кровавую сетку, после чего отпускали лечиться и думать о своем поведении. Случалось, конечно, что особо буйных и резали до конца, а потом прикапывали в лесочке. Но обычно до такого не доходило.

Потому сейчас Богдан шел домой спокойно, зная, что никто не попытается его трясануть на бабки или просто набить морду ради развлечения. Шел – и думал о своем, чувствуя, как воспоминания медленной, черной, неотвратимой волной накатывают на него. Разбередила их беседа с Барменом и фото со знакомой татухой. Прям выбросило запретное на поверхность, словно слежавшийся ил со дна глубокого озера от взорвавшейся гранаты.

В таких случаях самое лучшее – это добраться до койки и завалиться спать, накрывшись подушкой, чтоб случайно не разбудил какой-нибудь посторонний звук. Иначе будешь потом метаться по дому как медведь-шатун, ревя во всё горло, натыкаясь на углы и стучась об стены головой в надежде выбить из нее проклятые воспоминания.

Само собой, метания эти всегда происходили в компании с бутылкой, которая быстро становилась пустой. Как и следующая, и множество других после нее. Запой – часто встречающаяся болезнь среди ветеранов различных войн и спасателей, видевших слишком много того, что не нужно видеть обычному человеку. Но когда тебя вдобавок жрет изнутри «лучёвка», то одной болезнью больше, одной меньше – без разницы.

Добравшись до дома, Богдан не раздеваясь рухнул на продавленную сетчатую кровать и привычно навалил на себя подушку, пропахшую по?том и перегаром. Но спасительный сон не шел…

Вместо него пришли воспоминания. Яркие, словно всё происходившее случилось только вчера.

Когда в восемьдесят шестом рванул Четвертый энергоблок Чернобыльской АЭС, первым делом туда бросили пожарных. И как только пламя было сбито, внутрь полуразрушенного здания ринулись спасатели.

Они знали, на что шли. Когда стрелки дозиметров плотно, словно приклеенные, лежат в крайнем положении, а пулеметный треск счетчиков Гейгера сливается в одну длинную, протяжную ноту, не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, куда ты идешь. Но они не думали о том, что мириады невидимых частиц сейчас пронзают их тела подобно крошечным пулям. В их головах билось одно: там, в развалинах остались люди, которые ждут помощи. И они бежали навстречу смерти так же, как их отцы и деды менее полувека назад поднимались из окопов в атаку, чтобы ценой своей жизни спасти других, совершенно незнакомых им людей…

К отряду спасателей, в котором был Богдан, были приставлены двое хмурых, неразговорчивых автоматчиков в военной форме, но без погон и знаков различия.

– Комитетчики небось, – буркнул тогда Максим, друг детства Богдана, с которым они вместе еще со школы мечтали о подвигах и приключениях. И больше ничего не сказал. Если это не они, то оставалось только гадать, кто ж это такие, перечисляя все известные рода войск. Ну а коли и правда это были сотрудники КГБ, то молоть языком не стоило и подавно.

Отряд из восьми человек максимально быстро продвигался внутрь разрушенного энергоблока. Когда вокруг радиация такая, что ее не измерить приборами, то единственная возможная защита – это время. Чем меньше ты находишься в опасной зоне, тем меньшую дозу радиации получит твой организм и тем выше шанс остаться в живых. Какие-то люди снаружи предлагали спасателям надеть освинцованные противорадиационные костюмы, но командир отряда отказался. В такой тяжеленной защите не побегаешь, польза от нее крайне сомнительна, а вот времени и сил она сожрет немало. Поэтому отряд бежал налегке, с разбега форсируя завалы, перепрыгивая через ямы и ежесекундно рискуя переломать ноги или напороться на один из кусков арматуры, которые торчали отовсюду словно вражеские штыки.

Лучи мощных фонарей метались по закопченным стенам, ныряли под огромные куски бетона, упавшие с потолка, обшаривали полуразрушенные помещения. Но сотрудников станции, которые не вышли на поверхность после взрыва, нигде не было видно. Командир взглянул на часы:

– Всё. Пора уходить. Иначе…

И в это время впереди послышались чьи-то голоса. Приглушенный звук шел из коридора, ведущего в темноту, куда не сговариваясь, без команды ринулся весь отряд…

Они все были в одном зале. Ученые союзного масштаба, элита советской науки, чьи портреты то и дело мелькали на страницах центральных газет. Пожилые седовласые старцы, зрелые солидные мужчины и трое совсем молодых парней, почти ровесников Богдана и Максима.

Все эти люди стояли около приборов, которыми был заставлен весь зал, и что-то там химичили с кнопками, рычажками, тумблерами и проводами, которые толстыми пучками змеились по всему залу. Судя по тому, каким безумным блеском горели глаза ученых, было понятно: сейчас им наплевать на всё, даже

на собственную жизнь. Все они решали какую-то очень важную для них проблему, и плевать им было, что реактор разрушен и что здание энергоблока того и гляди развалится на части. Под потолком горели красные аварийные лампы, заливая помещение зловеще-кровавым светом, и этого людям в белых халатах было вполне достаточно для того, чтобы лихорадочно делать что-то очень важное для них в данный момент.

– Все немедленно на выход! – срывающимся от волнения голосом заорал командир отряда. – Реактор разрушен. Уровень радиации…

– Подождите! – выкрикнул один из ученых, в чьей аккуратной бородке благородно серебрилась седина. Он поднял руки, словно пытаясь остановить спасателей, и пошел им навстречу: – Послушайте! Дьявол с ним, с реактором! Энергии аварийных генераторов нам хватит, чтобы закончить…

Он не договорил.

Мощный взрыв расколол надвое громоздкое сооружение, находящееся посреди зала и напоминающее одноэтажное здание со множеством входов. Пламя взметнулось до потолка, крупные бетонные осколки ударили в стены зала, в приборы, в людей, стоящих за ними, – и в тех, кто пришел их спасти.

Дальнейшее Богдан видел словно в замедленном фильме.

Ученый, размазанный по полу в кровавую пленку огромным бетонным осколком…

Спасатель, упавший на колени и держащийся за то место, где секунду назад было его лицо…

Один из автоматчиков, сидящий прислонившись спиной к одному из тех самых приборов с кнопками и с ужасом перебирающий собственные кишки, выпущенные из живота окровавленным обрывком металла…

Но не это было самое страшное!

Богдан замер на месте, не в силах отвести взгляда от того, что лезло из расколотого надвое сооружения…

Это была человекоподобная тварь ростом около двух метров. Мощные лапы, перевитые толстенными мышцами, оканчивались когтями, каждый из которых был длиной с клинок охотничьего ножа. Тело твари было просто переплетением мускулов, перекатывающихся под тонкой, почти прозрачной кожей. Глаза на голове монстра отсутствовали. Сверху – голый мозг с извилинами. Под ним – зубастая пасть, из которой торчал длинный, нервно подрагивающий, раздвоенный язык.

Очевидно, что наиболее уязвимым местом чудовища был оголенный мозг, и именно в него сейчас короткими очередями лупил автоматчик, оставшийся в живых. Ошметки разорванных извилин разлетались в разные стороны, но почему-то это не производило на тварь ни малейшего впечатления.

Она передней лапой легко отбросила в сторону преграждавшую путь стальную балку так, словно та была картонной, – и, с поразительной ловкостью прыгнув вперед, сбила с ног автоматчика. В следующее мгновение от человека ничего не осталось – чудовище разорвало его на части и принялось жадно жрать, запихивая в бездонную пасть большие куски кровоточащего мяса.

– Помогите!

Кто-то дернул Богдана за рукав, выведя его из оцепенения.

Это был тот самый ученый с седеющей бородкой.

– Вы знаете, как пробраться через завалы? Там есть выход?

Богдан судорожно кивнул.

– Вы должны помочь мне выбраться отсюда. Но сначала мы обязаны забрать…

Он не договорил.

Из разлома вырвался столб пламени, в мгновение ока поглотивший половину зала. Богдан был вынужден даже прикрыть лицо рукой, спасая глаза от невыносимого жара – который, кстати, немного привел его в чувство, заставив начать соображать. Инстинкт самосохранения вообще самый лучший из

естественных стимуляторов.

Богдан бросил взгляд на ученого.

Плохо дело. Весь его правый бок был залит кровью, большим вишневым пятном расплывавшейся на белом халате…

А еще Богдан увидел Максима. Закадычного друга детства, который лежал сейчас впереди метрах в десяти, скорчившись на полу, а под его головой медленно расплывалось по серому бетону кровавое пятно. Ну да, он первым бросился вперед – и поймал телом то ли осколок бетона, то ли обрывок металла, которые в изобилии разметал по залу взрыв.

Первым побуждением Богдана было броситься к другу, подхватить его, помочь – тем более что тело того судорожно дернулось, словно в попытке подняться.

Но потом Богдан увидел монстра.

Твари огненный шквал не нанес заметного вреда, разве что кожу прожег в нескольких местах, полностью обнажив кошмарные мышцы, отчего чудовище стало выглядеть еще ужаснее. Сейчас оно замерло, подняв голову и словно принюхиваясь.

А Максим лежал как раз между ним и Богданом…

И Богдан испугался.

Как наверняка был бы объят ужасом любой человек на планете, увидевший воочию существо, словно вылезшее в наш мир из самого страшного ночного кошмара. Так потом многие годы Богдан мысленно пытался успокоить свою совесть – увы, безуспешно. Бесчисленное количество раз в своих мыслях он поступал по-другому, бросаясь вперед и спасая Максима от неминуемой смерти. Как же так, он, бывший солдат, не раз смотревший смерти в глаза, – и вдруг дал слабину и не вытащил друга…

Но это были лишь мысли, сопровождаемые ударами кулаков в стены до боли, до крови, до крика от бессилия изменить то, что произошло тогда.

А тогда он развернулся, закинул себе на плечо слабеющую руку раненого ученого – и побежал, гонимый страхом, который, как известно, способен заглушить любые другие чувства…

Скрипнув зубами, Богдан отбросил подушку и поднялся с кровати. Какая разница, что потом он два раза пытался вернуться туда, откуда однажды ему удалось выбраться? Все эти попытки закончились провалом. После аварии Зона стала адом на земле, где радиационный фон повышался чуть ли не с каждым шагом, приближающим путника к разрушенному реактору.

Где животные, населяющие некогда густые и благодатные леса, мутировали с нереальной скоростью, превращаясь в кровожадных чудовищ.

Где леса превратились в скопища кривых, уродливых деревьев, обсыпанных рыжей листвой.

Где обычные физические законы переставали действовать, когда, например, за день можно было пройти два десятка километров и обнаружить, что ты отошел от начальной точки путешествия не более, чем на двадцать метров.

Где царит вечная осень, где небо по ночам иное, чем на Большой земле, и где появившиеся из ниоткуда аномалии подстерегали путешественника на каждом шагу, суля мучительную погибель или жуткие увечья, жизнь с которыми намного хуже самой страшной смерти…

Оба раза Зона отбрасывала Богдана назад, отторгала, словно инородное тело. Била молниями, жгла подземным огнем и адским холодом аномалий, поражала временной слепотой и параличом нижних конечностей, проходящим, как только он на одних руках выползал обратно к кордону.

И он сдавался, уходил на Большую землю зализывать раны. Чтобы через какое-то время подлечиться, собраться с духом и попытаться вновь.

Так прошло десять лет. С каждым годом решимость Богдана найти друга, которого он бросил в беде, таяла. Чем дольше Зона существовала на теле планеты, тем меньше знали люди о ней – кроме того, что с каждым годом она становится всё опаснее. Отчаянные смельчаки, ученые, военные уходили на зараженную землю для того, чтобы узнать о ней больше, – и пропадали

навсегда.

Кончилось тем, что правительство законодательно запретило входить на проклятую территорию без особого разрешения. А также ввело отдельную статью в Уголовный кодекс за попытку незаконного проникновения через кордон.

И вот сейчас Бармен предлагает попытаться вновь. На этот раз – официально.

Богдан достал из старого шкафа почти пустую бутылку, поболтал содержимым, отхлебнул. Самогон слегка деранул по горлу и провалился в желудок, словно в бездну, последние несколько недель не чувствующую ничего. Ел сталкер уже на автомате, просто по привычке. И жил так же. Зачем?

– Незачем, – тихо проговорил Богдан. – Абсолютно незачем. Существуешь, мать твою, как поганка. И сам не рад, что еще не сдох, и не раздавит никто, потому что никому ты нахрен не сдался.

Он бросил взгляд в зеркало, засиженное мухами. Оттуда на него глянул худой, но всё еще жилистый мужик с грязным лицом, заросшим щетиной, и глазами, потухшими, как у несвежей рыбы.

Богдан скривился, плюнул в зеркало, бросил под кровать пустую бутылку, которая, покатившись, глухо звякнула о гору таких же, валявшихся там же. И вздохнул.

Без новой бутылки не уснуть, а это значит, что надо идти через три дома к бабке Салтычихе, которая зарабатывает на жизнь тем, что гонит дрянной самогон для жителей Ораного. Хочешь более качественного пойла – иди к Бармену, но там цена будет втрое. Так что во «Втором кольце» оттягивались в основном военные и богатенькие туристы, остальные местные были постоянными клиентами Салтычихи.

И Богдан – не исключение.

В давно не мытые окна уже заглядывал промозглый и холодный вечер. Неохота было сталкеру на ночь глядя выходить из дому, но ничего не поделать. Вновь

метаться на кровати до утра, мучаясь воспоминаниями, которые вновь и вновь прокручивались перед глазами, было еще хуже. Поэтому Богдан запахнул поплотнее свой старый дождевик и вышел за дверь.

* * *

…Вечер в Предзонье вязкий, словно серая паутина, мгновенно облепляющая тебя сыростью. Словно в туман в него окунаешься и идешь по раскисшей дороге между домами, стараясь не смотреть по сторонам потому, что от вида покосившихся заборов, кривых домов и чахлого кустарника на душе становится еще паскуднее. Наверно, потому Богдан и не заметил, как из сгущающейся темноты вышли трое и направились к нему, окружая, словно волки, загоняющие добычу.

До сталкера слишком поздно дошло, что происходит. Отступать было некуда, бежать поздно. Единственное, что оставалось, – это развернуться так, чтоб за спиной оказался ближайший забор. Так хоть сзади не зайдут, хотя утешение это слабое в ситуации один против троих.

Одного он знал. «Шестерка» из банды «Мародеров». Мелкий, но юркий парень, пришедший в Ораное недавно, надеясь быстро разбогатеть, грабя состоятельных туристов. Однако местные порядки не предусматривали открытого беспредела, и, похоже, гопник решил приподняться по-другому.

– Здоро?во, Богдан, – ощерился мелкий, показав кривые, изъеденные кариесом, прокуренные зубы. – Говорят, ты нехилый куш сорвал. Поделись с братвой по-босяцки, и разойдемся краями.

– Твоя братва под шконкой дырявой ложкой баланду хлебает, – презрительно усмехнулся Богдан, сам не сидевший, но за эти годы перенявший от собеседников «блатную музыку» и воровские «понятия». – Так что вали отсюда, кидало беспонтовое.

Сталкер был уверен – в открытую посреди Ораного его на «гоп-стоп» брать не рискнут. Палач за такое своих по голове не погладит. Потому удар сапогом под колено от незнакомца, стоящего справа, оказался для него полной неожиданностью.

Резкая боль пронзила ногу, и Богдан, не удержавшись, рухнул в грязь.

Его немедленно принялись бить в шесть ног. Методично, вкладываясь в каждый удар, с хеканьем, будто дрова рубят. Так бьют не для того, чтобы научить уму-разуму. Так бьют, чтобы забить до смерти, а после втихаря под покровом ночи закопать труп, будто и не было его никогда.

Сталкер, за десять лет в Предзонье повидавший многое, свернулся в эмбрион, пряча живот и лицо. При этом его рука скользнула вниз, к берцу, в котором всегда был спрятан засапожный нож, покоящийся в специальных ножнах, пришитых к голенищу изнутри.

Нож этот Богдан по случаю за бесценок купил на местном рынке. А уже дома как отчистил, рассмотрел приобретение – и понял, что нож-то непростой. Продешевил продавец по незнанию, и неслабо. Такое оружие последнего шанса дорогого стоит.

Навершие рукояти представляло собою клюв с отверстием, в которое был продет темляк – удобный и для того, чтоб нож быстрее из ножен выдернуть, и чтобы, обернув его через кисть, держать намертво, дабы рука не соскользнула на лезвие, хищно изогнутое «щучкой».

Но это еще не всё.

На клинке было выгравировано замысловатое клеймо, напоминающее руны, которое ни с каким другим не спутать человеку, хоть немного понимающему в ножах. Похоже, Богдан приобрел кастомное творение замечательного конструктора ножей Андрея Мака. И сейчас этот самый нож оказался в руке у Богдана.

Бьющие еще не успели войти в раж, разогреться как следует, поэтому их удары пока еще были довольно медленными. Ровно настолько, чтоб Богдан успел протянуть руку и с оттягом на себя резануть по ближайшему сапогу.

Острый клинок, заточенный до бритвенной остроты, не подвел, прорезав и кирзу, и ахиллово сухожилие под ней. Незнакомец охнул и, потеряв опору, упал рядом с Богданом. Чем тот и воспользовался, перекатившись на упавшего и глубоко, с подворотом кисти резанув его еще раз. Кажись, попал куда хотел, по

лбу, чтоб кровь залила глаза. Когда она водопадом хлещет на морду, нападающему становится не до атаки и отжима денег у одиноких путников.

Новый удар сбил сталкера с лежавшего, но Богдан успел вскочить на ноги прежде, чем ударивший успел достать из кармана что-то черное, блеснувшее металлом в тусклом свете луны, выглянувшей из-за туч. Что это было в руке противника, сталкер не стал выяснять. Просто бросился вперед и резанул – на этот раз по глазам. Когда дело доходит до серьезного, и защищаться надо серьезно.

Получилось.

Противник охнул, уронил в лужу пистолет и схватился за лицо.

Богдан, оскалившись словно волк, повернулся к мелкому гопнику.

Тот стоял возле забора, держа в дрожащей руке телескопическую дубинку, раздвинутую лишь наполовину.

Сталкер презрительно сплюнул. Этот недомерок даже оружие свое не сумел нормально достать и привести в рабочее положение, что уж говорить о применении. Богдан знал таких, встречал не раз. Когда сила за ними, они прям орлы. А как почуют другую силу, так сразу хвост поджимают и трясутся, как шавки, получившие пинка пониже спины.

– Решил от «Мародеров» свалить и напоследок банк сорвать? – сквозь зубы процедил Богдан. – Не вышло?

Он ждал, что сейчас этот шакал бросит дубинку и чесанет отсюда так, что только пятки засверкают. Но его ожидания не оправдались.

Глаза гопника от ужаса чуть не вылезали из орбит. И смотрел он не на Богдана, а на того, кого сталкер порезал – как он полагал, по лбу.

Но оказалось, что Богдан ошибался. Луна услужливо осветила место разборки, позволяя рассмотреть детали.

Обезвреженный противник бился в судорогах, держась за горло, из которого толчками между пальцев обильно вытекала кровь. Тут уж держись, не держись, но когда перерезаны обе артерии и трахея, вытекающую из тебя жизнь остановить не получится.

Глава 2

– Твою ж мать, – скрипнул зубами Богдан.

Надо же, промахнулся в темноте. Теперь с Палачом предстоит крутое объяснялово, и за пару рейдов придется гонорар отдать полностью. Дешевле откупиться не получится. Конечно, его бойцы не правы, но закон бандитов не оспорить. Другого бы за смерть члена группировки завалили без разговоров. Здесь же уважаемому сталкеру Палач по понятиям должен пойти навстречу.

– Т-ты… Ты знаешь… кто это? – вытолкнул мелкий из себя, стуча зубами. – Ты это… сейчас в натуре брата Палача завалил вглухую… Он в гости приехал с корешем, а ты его… пером по дыхалу…

Земля качнулась под ногами Богдана…

Смерть своего брата Палач не простит никому, вне зависимости от того, прав убийца или нет. Теперь завалить кровника для него будет вопросом бандитской чести. Ай как плохо-то… Если сейчас этот мелкий рванет к своим и расскажет, что произошло, даже из Ораного выйти не получится. У бандитов есть пара разбитых «легковушек». Догонят в два счета. Поэтому…

Богдан наклонился, поднял из лужи «макаров». В голове было пусто, как в спиртовой бочке после того, как из нее слили содержимое. Сейчас он очень боялся начать думать. Потому что если вдруг малейшая человеческая мысль проскользнет, то всё, не выйдет ничего. Руки опустятся, и гори оно всё синим пламенем…

Богдан подошел к бандиту, который стоял, покачиваясь и держась руками за глаза. Любой человек, моментально потерявший зрение, не верит в

произошедшее. Он изо всех сил прижимает ладони к уже пустым глазницам, боясь отнять их – и ничего не увидеть. Понятный страх. Поэтому избавить несчастного от него скорее милость, чем преступление.

Сталкер проверил, есть ли патрон в патроннике, и, сильно вжав ствол в мягкое между шеей и подбородком раненого, нажал на спусковой крючок.

Выстрел, приглушенный человеческой плотью, хлопнул со звуком вылета пробки из бутылки шампанского. Руку Богдана, сжимающую пистолет, обдали горячие брызги, а труп с развороченной макушкой смачно шлепнулся в лужу.

Сталкер перешагнул через мертвеца и направился к гопнику, присевшему и сжавшемуся в комок возле забора. Он не пытался убежать, как не бежит кролик, увидевший удава. Он трясся, уронив под ноги свою так и не раскрытую дубинку. Шок от ужаса. Тоже понятное состояние.

Богдан подошел, взял бандита за сальные волосы, резко запрокинул его голову – и ударил. Стволом пистолета в зубы, кроша их и вгоняя в глотку вместе с металлом, раскаленным от первого выстрела. Гопник дернулся, попытался закричать, но вторая пуля вбила его крик обратно в легкие. Еще один способ заглушить выстрел, когда сделать это больше нечем.

Богдан выдернул пистолет изо рта умирающего… и тут сталкера накрыло.

Он никогда раньше не убивал людей вот так, когда чувствуешь ладонью, как лезвие вспарывает живую плоть и как вздрагивает человеческое тело от выстрела в упор…

В армии да, было, но из огнестрела и на расстоянии, а это совсем иное. Да и непросто это далось тогда, ох, непросто… Драться тоже приходилось, даже пару раз довелось резать руки, хватающие его за горло, – без этого в Ораном никак. Но чтобы вот так, хладнокровно и расчетливо убить троих… Он и не подозревал в себе такое.

Тошнота подкатила к горлу, но Богдан сдержал позыв к рвоте. Блевать – это время, которого не было. Сейчас следовало бежать, и как можно быстрее. Вопрос только куда. Поутру «Мародеры» поднимут на уши всё Ораное, в том числе задействуют свои связи среди военных, и убийцу найдут по-любому.

От такой перспективы у Богдана потемнело в глазах. Может, сразу застрелиться, чем мучиться многие часы в подвале у Палача – большого мастера по вопросу причинения своим жертвам максимальной боли?

Однако Богдан быстро взял себя в руки. Тщательно протер пистолет и вложил его в ладонь трупа с перерезанным горлом. Тухлая, конечно, попытка сымитировать разборку между своими, но, может, это хоть на время задержит бандитов, пока они будут соображать, что же тут произошло на самом деле. Обнадеживало еще и то, что ближайшие дома пустовали и за всё это время на улице никто не появился. С заходом солнца в Ораном или уже спят, или пьют перед тем, как уснуть.

В общем, пока что вроде расклад был в пользу Богдана. Но это не значило, что можно успокоиться. Палач будет копать и докопается до правды рано или поздно, в этом можно быть уверенным.

Сталкер быстрым шагом направился обратно к своему дому. Рывком открыл дверь и быстро зашел внутрь.

С помощью всё того же ножа Богдан вскрыл половицу, достал оттуда небольшую заначку на черный день, сунул ее за пазуху. Потом снял со стены большой лагерный нож в самодельных ножнах, которые пристегнул к поясу. Огнестрельное оружие сталкер недолюбливал, зато к холодному относился с уважением.

Экипировавшись таким образом, Богдан подошел к старому дисковому телефону, стоящему на растрескавшейся тумбочке, снял трубку и набрал номер.

После четвертого гудка на том конце провода сквозь треск помех, неизбежных рядом с Зоной, раздался недовольный голос Бармена:

– Да, слушаю.

– Я согласен, – сказал Богдан. – Но у меня есть одно условие.

Трубка недовольно засопела.

– Какое?

– Как бы ни была крута та иностранная группа, они вряд ли отходили от кордона вглубь зараженной земли более, чем на сто метров, которые разрешены ученым Института для изучения Зоны. Я смогу провести их вглубь зараженной земли на пятнадцать километров. Но дальше мне будет нужен человек, который понимает природу Зоны лучше меня. Иначе мы не продвинемся дальше загоризонтной РЛС, как я не смог сделать это раньше.

– Это ты про Протона сейчас, что ли? – хмыкнул в трубку Бармен.

– Про него.

– Думаю, проблем не будет, – облегченно произнес хозяин «Второго кольца». – Заказчику нужен результат, и только. Но учти, Институт больше денег не даст, поэтому бабки, которые ты получишь от ученых, придется делить так: половину мне, а вторую половину делите с Протоном как хотите. Идет?

– Годится, – сказал Богдан. – Какие действия?

– Ты прям ночью, что ли, собрался идти? – удивился Бармен.

– С восходом солнца. Пока там наверху не передумали и не отменили рейд.

– Логично, – задумчиво проговорил хозяин «Второго кольца». – Я всегда знал, что у тебя башка варит, только ты редко пользуешься этой ее функцией. Ха-ха, не прими в ущерб, шутка. Ладно, пойду обзванивать кого надо, если не пошлют в такое время. А вы с Протоном выдвигайтесь прям к Институту – я звякну, чтоб вам заказали пропуск.

– Если он еще согласится, – сказал Богдан. И положил трубку.

Протоном в Ораном прозвали того ученого, физика-ядерщика, которого Богдан вытащил много лет назад из разрушенного реактора. Город Припять, в котором жили люди, работающие на ЧАЭС, был эвакуирован сразу после аварии. Спасенный ученый, которого тоже вместе со всеми жителями города вывезли из эпицентра аварии, поселился на окраине Ораного, в паре километров от

Института аномальных зон. Этот Институт возвели в считаные месяцы рядом с кордоном практически сразу после того, как стало ясно, что в Зоне отчуждения происходят необъяснимые явления, доселе неизвестные науке.

Ученые и персонал проживали прямо на территории Института, в жилом комплексе из трех пятиэтажных зданий. Однако спасенный Богданом физик, вдобавок оказавшийся еще и академиком, от институтского сервиса отказался, мотивируя это тем, что привык работать в тишине и уединении, и поселился в одном из сельских заброшенных домов. На работу и обратно он ездил на подержанных «Жигулях» шестой модели, хотя вполне мог позволить себе черную «Волгу», за что заслужил некоторое уважение у полукриминального населения Ораного.

Хотя местные, включая Богдана, физика не понимали. Какого лешего ученый такого уровня живет в разваливающемся домишке, выходит оттуда только на работу, никого не зовет в гости, не пьет, баб к себе не водит, хотя еще сам весьма крепкий мужик? Поэтому за свои странности ученый получил в Ораном ироничное прозвище Протон. Мол, сидит у себя в доме как в атомном ядре, вокруг него мир вертится, а ему это глубоко пофигу.

Только Богдан имел право заходить к ученому в любое время, но то сельчанам было понятно – как-никак, жизнь спас…

Однако местные не догадывались, какую, по мнению ученого, незначительную услугу оказал ему спасатель. Собственная жизнь для Протона значила немного, и к смерти он относился философски. А вот наука была для него всем. И он часто сам звал Богдана в гости, дабы в который раз уже вытрясти из него всё, что тот знал о Зоне. Однако когда однажды сталкер предложил ученому вместе пойти в рейд, решительно отказался.

– Мы оба погибнем не за хвост крысособачий, – отрезал он. – Ты дважды чудом выбирался обратно после того, как пытался пробиться к центру Зоны, но чудеса не могут быть вечными. Я не боюсь смерти, я просто не хочу подыхать зря. Это глупо и непродуктивно. Для того, чтобы дойти до реактора, нужна как минимум хорошо подготовленная группа специалистов, экипированная соответствующим образом. Не скрою, я сам бы не отказался вернуться к Четвертому энергоблоку, и на то есть причины. Но пока для этого нет реальной возможности, я в этом не участвую. Однако если ты пойдешь один и в очередной раз вернешься ни с чем, не сочти за труд заглянуть ко мне и поведать, где ты был и что там видел. А

теперь давай-ка еще раз расскажи мне в мельчайших подробностях о своем последнем рейде, может, я пропустил чего.

И Богдан рассказывал, а Протон тщательно записывал каждое слово, часто перебивая и задавая дополнительные вопросы. Видно было – ученому тоже хочется туда, в Зону, загадочную, мрачную, опасную… Но в его случае рационализм всякий раз брал верх над порывом – в отличие от Богдана, который за две свои попытки прорваться к Четвертому энергоблоку не вынес из Зоны ничего, кроме новых шрамов и обострения лучевой болезни.

Но сейчас всё было по-другому.

Сталкер набрал номер и не удивился, что на том конце провода трубку взяли почти сразу.

– Это я, Протон, – не тратя время на приветствия, сказал Богдан. – Есть разговор.

На «Протона» ученый давно перестал обижаться, приняв народное прозвище как своё второе имя.

– Да-да, слушаю, – раздалось в трубке. – С «экскурсии» вернулся? Видел что-то новенькое?

– Всё старенькое. Но есть возможность увидеть и новое.

– В смысле?

– Если ты пойдешь со мной в дальний рейд.

– Я ж тебе не раз говорил… – враз заскучавшим было голосом начал ученый, но сталкер его перебил:

– С нами пойдет международная группа специалистов. А это уже не вдвоем, как я предлагал раньше.

И вкратце рассказал всё.

В трубке повисла пауза…

Богдан ждал, поглядывая в окно – нет ли там приближающихся теней. Может, стоило оставить пистолет себе? Да нет, если правоохранители с «мокрым» стволом примут, то это стопроцентный срок. Причем Палач постарается сделать так, чтоб убийцу его брата забили до смерти еще до того, как он прибудет в колонию.

– Мне надо подумать, – наконец раздалось в телефоне.

– Думай, – сказал Богдан. – А лучше вспомни, кто тебя спас в Четвертом энергоблоке. Сейчас у тебя появилась возможность списать Долг Жизни.

– Что, всё так серьезно? – мрачно поинтересовался Протон.

– Более чем. Так что если решился, собирайся и машину прогревай. Как раз у тебя есть минут десять, пока я доберусь до твоего дома.

И, бросив трубку на рычаги, Богдан выскользнул из дома. Когда нужно, он умел двигаться так, что в двух шагах будешь стоять и не заметишь. Работа научила. Конечно, договоренность с внутренним патрулем «Дитяток» имелась, но пулеметчики на вышках были не в курсе аферы Богдана, иначе бы пришлось и с ними делиться. Так что хочешь не хочешь, а научишься передвигаться тихо и незаметно.

Но пока что сталкеру везло и до дома ученого он добрался без приключений.

Дверь оказалась открытой. Богдан перешагнул порог.

– Что за спешка? – поднимаясь с кресла, поинтересовался Протон. Он был уже полностью одет – военный камуфляж, сверху дождевик с капюшоном, на ногах удобные берцы из мягкой кожи. И не скажешь, что это ученый. С виду прям военный, с соответствующей осанкой и пронизывающим взглядом внимательных водянистых глаз.

– Я убил троих членов банды «Мародеров», – скучно сказал Богдан. – И один из них – брат Палача.

– Так бы сразу и сказал, – отозвался Протон, беря со стола ключи от машины. – Пошли. Надеюсь, успеем доехать до Института так, чтоб они нас не перехватили по дороге.

– Благодарю, – кивнул Богдан.

– Не за что, – отозвался ученый. – Просто не люблю быть должным. А сейчас представился случай расплатиться с долгом десятилетней давности. Только и всего.

* * *

Машину мотало из стороны в сторону на грунтовой дороге, разбитой патрульными бронетранспортерами. Но для ученого, мастерски объезжающего особенно проблемные участки грунтовки, это было привычным явлением, как-никак, почти каждый день катался из села в Институт и обратно. Человек быстро привыкает ко всему – и к роскоши, и к неудобствам, что со временем становятся элементами каждодневного существования, на которые уже не обращаешь внимания.

– Ну, блин, ты великий водитель, – сказал Богдан, когда ученый мастерски объехал подряд три ямы. – Я б так не смог.

– Не думаю, что я тебе нужен в Зоне для того, чтоб водить машину, – заметил Протон. – Так что говори, сталкер, зачем понадобилась моя скромная персона. Только честно.

– Образования мне не хватает, – вздохнул Богдан. – Не знаю, как пробиться через поле, что генерирует загоризонтная радиолокационная станция. Может, оно, конечно, и ослабло со временем или вовсе исчезло, но я не уверен. Плюс еще тупо не знаю, как справиться с некоторыми аномалиями, в основном ментальными и пространственными. То ли живые они, то ли нет, чего хотят и хотят ли вообще… Думаю, ты как ученый-физик лучше со всем этим разберешься.

Протон пожал плечами.

– Не уверен. Аномалии на то и аномалии, что выпадают из общих физических закономерностей нашего мира. А вот насчет поля ЗГРЛС кое-какие наработки у нас имеются.

За разговором Богдан не забывал поглядывать назад. Однако пока что фортуна была благосклонна к сталкеру – света фар автомобилей, догоняющих их, не наблюдалось.

– Одного не понимаю, – продолжил Протон. – Как ты троих бандитов умудрился убить? Я ж тебя знаю, ты не из таких. Даже в Зону ходил без оружия, только с двумя ножами – лагерным да засапожным.

– Сам не знаю, – пожал плечами Богдан. – Словно не я был. И главное, спокойно всё сделал, будто колбасу порезал. Это потом трясти начало и тошнить. До сих пор не по себе.

– Бывает, – философски заметил ученый. – Зона если людей меняет, то не в лучшую сторону.

– Это точно, – сказал Богдан – и закашлялся. Надрывно, хрипло, жутко.

На этот раз приступ продолжался дольше. Протон спросил, не остановить ли машину, но сталкер махнул рукой – мол, не обращай внимания.

Приступ отпустил, когда впереди показалась серая громада Института аномальных зон, слабо подсвеченная фонарями, установленными на территории за высоким забором. Едва машина подъехала к воротам, на ней скрестились лучи двух прожекторов, светящих с вышек того же плана, что были на кордоне, то есть снабженных пулеметами, – результаты научных исследований Зоны охраняли так же строго, как и саму Зону.

Из двери, вделанной в стальные ворота, вышел охранник, подошел, посветил фонариком в кабину. Поинтересовался у ученого:

– Кто это с вами?

Протон назвал фамилию Богдана и добавил:

– Посмотрите, должен быть в списке.

Охранник сверился со своим блокнотом, после чего махнул рукой – проезжайте, мол.

Тяжелые стальные ворота разошлись в стороны, и машина въехала на территорию Института – надо сказать, довольно обширную. Прям целый город с десятком разнокалиберных корпусов, над которыми возвышался главный храм науки, собранный из дешевых бетонных блоков – по-другому в стране строили редко.

Машина остановилась на стоянке неподалеку от главного входа. Протон с Богданом вышли и направились в здание, ёжась от ночной прохлады. В воздухе пахло дождем, которые здесь еще пока безопасны. Это если в Зоне накроет ливнем – беда. Иногда слабыми кислотными ожогами отделаешься, а порой мириады капель токсичной воды, падающей с отравленного неба, в считаные минуты могут смыть с костей твоё мясо.

В Институте их уже ждали – какой-то сморщенный, но бойкий старикашка с бородкой клинышком, облаченный в белый халат, и пара хмурых охранников рядом с ним, вооруженных дубинками и пистолетами Стечкина, висящими на поясе.

Старикашка и Протон с важным видом поприветствовали друг друга, причем Богдан с ходу не понял, кто из них в Институте имеет больший вес. Впрочем, это было неважно.

– Не знаю, к чему такая спешка, но все уже собрались в ленинской комнате и ждут вас, – сказал старикашка.

Протон важно кивнул, и все направились в освещенный большими круглыми плафонами правый коридор, стены которого были выкрашены зеленой армейской краской. При внутренней отделке Института никто особо не заморачивался насчет красоты и роскоши. Чувствовалось, что всё здесь заточено под функционал, отчего Богдан чувствовал себя так, словно шел по тюремному коридору. Впечатления добавляли двое охранников, которые замыкали процессию, при этом не спуская глаз именно с него – это Богдан затылком чувствовал. Как и то, что столь грозным сопровождением их небольшая группа

обязана именно ему. Да плевать. Пусть думают что хотят.

Ленинская комната оказалась довольно просторным помещением, которое раньше служило очагом агитации за Советскую власть, а после развала СССР превратилось просто в небольшой зал для собраний. Здесь еще на всякий случай скромно стоял в углу бюст вождя пролетарской революции, но уже не как основное украшение помещения, а как предмет, ждущий своей очереди для размещения в кладовке. Еще Богдан заметил светлые квадраты на стенах – небось, раньше там висели портреты членов политбюро, а ныне на одном из них мелкий паучок деловито строил свою паутину.

Напротив кафедры и длинного стола, примыкающего к ней, стояли четыре ряда стульев, по десять в каждом. Всего сейчас в зале находилось девять человек, одетых в камуфлированную униформу. Они вольготно расположились на стульях, причем у всех было одинаково скучающее выражение лица, какое бывает у военных, которых подняли среди ночи. Особенно кислой рожей выделялся громила, сидящий в первом ряду, – наверняка командир группы.

Старикашка привычно взобрался на кафедру, указав Богдану и Протону на длинный стол рядом с ней, к которому было придвинуто несколько стульев с высокой спинкой. И как только вновь прибывшие разместились там, где им было указано, захватчик кафедры солидно кашлянул в кулак и начал:

– Для тех, кто еще не знает, позвольте представиться – ректор Института аномальных зон, профессор Александр Иванович Торопов. Нашему Институту поручено проинструктировать вашу группу, а также снабдить вас всем необходимым научным оборудованием и экипировкой. Поэтому, дабы не тратить время попусту, перейду сразу к делу. Правительство Украины одобрило экспедицию к центру Зоны с целью спасти людей, возможно, выживших там во время аварии…

– Десять лет прошло, какие выжившие? – перебил его громила. – Кто мог остаться в живых в этом аду, который вы называете Зоной?

– Смею напомнить, что один из этих самых выживших сейчас находится в карантине, – холодно отозвался Торопов. – И попрошу меня не перебивать, у вас задание государственной важности.

Громила сделал еще более кислую физиономию, хотя казалось, что кислее и быть не может, но препираться с ректором не стал. А тот продолжил, достав из-за пазухи какую-то бумажку и надев очки:

– Как вы знаете, правительство для этой миссии отобрало лучших военных специалистов в своем деле. Вы друг с другом практически не знакомы, но, думаю, вдохновленные целью миссии, которая стоит перед вами, найдете общий язык и непременно сработаетесь. У каждого из вас есть свои инструкции, которые, как меня заверили сверху, не противоречат друг другу и направлены на максимально эффективное выполнение задания. Поэтому позвольте лишь представить всех, находящихся в этом зале. Хммм… Как я понимаю, это не настоящие ваши имена, а преимущественно клички…

– Позывные, – перебил его громила.

– Позывные, – поправился ректор, бросив на громилу холодный взгляд поверх очков – чем, впрочем, последнего нисколько не впечатлил.

– Итак, командиром группы назначен майор войск специального назначения, инструктор по рукопашному бою по прозвищу… кхм, с позывным Ран.

Громила лениво поднял мощную руку.

Богдан усмехнулся:

– Интересно, для чего нужен в Зоне тренер по рукопашному бою? Мы что, собрались там устраивать бои без правил на кулаках?

Громила смерил Богдана презрительным взглядом и процедил сквозь зубы:

– Иногда тренированный боец бывает быстрее пули, которую еще надо суметь выпустить в правильном направлении. А вот зачем нам в группе вонючий бомж, от которого за километр несет перегаром, это еще предстоит выяснить.

– Попрошу соблюдать тишину! – возвысил голос ректор. – Напоминаю, что это правительственная миссия, поэтому балаган тут неуместен! Далее представляю вам старшего лейтенанта Воронову, универсального стрелка, владеющего

многими видами огнестрельного оружия.

Со второго ряда махнула рукой красивая блондинка с волосами, завязанными в компактный пучок. Скользнув взглядом по Вороновой, Богдан отметил высокую грудь, длинную шею, большие серые глаза и винтовку СВД в чехле, прислоненную к стулу рядом с блондинкой. Его сканирование не осталось незамеченным – молниеносный взгляд прищуренных серых глаз был похож на две злые пули, выпущенные одновременно, после чего сталкер сделал вид, что он тут не при делах. Боевая дамочка, ничего не скажешь. Из тех, кого называют «мужик в юбке». Хотя фигура у этого «мужика», конечно, что надо.

– Заммер, сапёр, – возгласил с трибуны Торопов. – К сожалению, здесь больше ничего не написано.

– А больше ничего и не надо, – негромко произнес сидящий в третьем ряду боец, лицо которого было изуродовано глубокими шрамами.

«Везучий мужик, – подумал Богдан. – Говорят, что сапёр ошибается только один раз, а этому судьба предоставила второй шанс».

– Военный врач Лопез, – продолжил ректор.

Богдан отследил взглядом мах руки. Интересный врач. Глаза особенно – неестественного ярко-зеленого цвета, какой крайне редко встречается у людей. Судя по бронзовому оттенку кожи и позывному, то ли испанец, то ли латиноамериканец. Ну, это и неудивительно, если группа международная. Интересно только – в России или Украине своего квалифицированного военврача не нашлось?

– Маркус Кейн, инженер-связист.

Сталкер отметил взглядом брюнета, который кивнул – и вновь уткнулся в портативный карманный компьютер, так называемый КПК, которые относительно недавно появились в продаже и стоили баснословных денег.

– Анна, биохимик.

«Интересно, у нее-то хоть имя или тоже позывной?» – подумал Богдан, скользнув взглядом по девушке, сидевшей рядом с Кейном. Симпатичная, но не более того. Только что волосы красивые, цвета воронова крыла и такого же смоляного оттенка, как и у связиста. Брат и сестра? Может быть.

– Носов, психолог.

Богдан посмотрел на того, кто поднял руку. Неприятный тип с колючим, пронизывающим взглядом. Как у удава. Будто сквозь тебя смотрит и видит всё насквозь. Сталкер поежился. Ну его нафиг на всякий случай, этого психолога. Лучше держаться от него подальше.

– Перен, специалист по радиационной защите.

В третьем ряду сидел совершенно непримечательный с виду человек. Ну, с плечами-то у всех тут порядок, включая его, видно, что специалисты военные, а не гражданские. А так увидишь такого вот Перена на улице, пройдешь мимо, а потом попросит кто-нибудь через минуту описать внешность – а в памяти и нет лица, будто стерли его. Богдан мысленно сделал себе отметку быть поаккуратнее со связистом, ибо похожая непримечательная внешность была свойственна тайным сотрудникам Службы безопасности Украины, которых народ зовет «тихушниками».

– И, наконец, последний в нашем списке, зоолог Берг.

Богдан удивился. Зоолог был в возрасте хорошо за пятьдесят. Под военной униформой угадывалось хорошо тренированное тело, но седину-то не скроешь. И зачем почти старика посылать в Зону? Помоложе никого не нашлось? Впрочем, тем наверху, кто собирал эту группу, виднее.

Ректор засунул список в карман халата, снял очки, и сказал:

– Ну, коль тут большинство не с именами, а с позывными, позвольте представить вам моего коллегу Протона, специалиста, много лет изучавшего Зону.

Академик поморщился, словно от зубной боли, но промолчал.

– А также сталкера Богдана. Как вы знаете, сталкерами с некоторых пор называют людей, побывавших в Зоне. Так вот, Богдан может с полным правом носить это прозвище. Во время аварии он был спасателем, одним из немногих, кто побывал внутри Четвертого энергоблока и дожил до наших дней. Причем он на своих плечах вынес оттуда беспомощного Протона!

Богдан отметил про себя: похоже, ректор и Протон давние соперники и сейчас Торопов явно пытался уязвить академика. Тот же, справившись с собой, сидел теперь на своем месте абсолютно спокойно, словно сказанное его совершенно не касалось.

– Что ж, теперь, собственно, позвольте вкратце рассказать вам о том, что вас ждет в Зоне, а также продемонстрировать нашу последнюю разработку – костюмы химической защиты со встроенной системой жизнеобеспечения.

«Вкратце» растянулось на полтора часа. Ректор подробно расписывал, что может встретить группу на зараженной земле. В деталях, с таким видом, будто сам исходил ту Зону вдоль и поперек.

Много раз Богдан хмыкал про себя, но перебивать и исправлять ученого не стал, понимая, что в этом случае инструктаж затянется не неопределенное время. А вот защитные костюмы, которые сотрудники Института внесли в ленинскую комнату, сталкера заинтересовали. Похоже, такой реально сможет защитить и от кислотного дождя, и от некоторых аномалий. Правда, когти мутантов легко прорвут тонкую оболочку, а система фильтрации воздуха на груди и шлем с забралом из многослойного бронестекла, защищающий лицо, добавит к экипировке лишние килограмм пятнадцать. Поэтому Богдан разочарованно вздохнул и про себя решил от защиты отказаться. В Зоне маневренность важнее.

Наконец ректор выдохся и объявил пятнадцатиминутный перерыв, после которого планировалось пройти на институтские склады, чтобы затариться всем необходимым. Богдан облегченно вздохнул, осведомился у Протона, где тут мужской туалет, куда и направился с целью отлить лишнюю жидкость и отравиться сигаретой.

Курил сталкер редко, но сейчас, после того, как ректор подверг его мозги полуторачасовому испытанию, им требовалось некоторое количество прокачки дымом. Чисто как пчел обкуривают, чтоб они расслабились и не жужжали

впустую после пытки вряд ли нужной информацией.

Покончив с отливом, сталкер достал дешевую сигарету, щелкнул зажигалкой и осторожно затянулся, прислушиваясь к себе – не проснется ли вновь проклятый кашель? Но нет, пока вроде всё было тихо, и Богдан выпустил сизое кольцо, спугнув со своего места снулую осеннюю муху, притулившуюся на подоконнике.

Дверь позади шумно отворилась.

Сталкер обернулся.

В туалет, слегка пригнув голову, чтоб не задеть ею косяк, вошел Ран. Покрутил носом, поморщился от дыма и, подойдя к Богдану, навис над ним всей своей перекачанной тушей.

– Слышь, ты, сталкер, – с презрительной ухмылкой проговорил Ран. – Не вздумай мешаться у меня под ногами, когда пойдем в Зону. Иначе не обессудь, раздавлю как клопа.

Богдан равнодушно смерил взглядом спецназовца и, удивляясь собственному спокойствию, проговорил скучным голосом:

– Слышь, ты, военный. Не рекомендую тебе на меня наезжать.

Ухмылка сползла с лица Рана…

Его лицо закаменело, превратившись в жуткую, непроницаемую маску…

– А то что будет? – набычился спецназовец.

– Я тебя убью, – спокойно сказал Богдан.

И затянулся снова.

Глава 3

Богдану показалось, что Рана сейчас порвет. Его лицо налилось кровью, огромные кулаки сжались. Он сделал было шаг к Богдану…

И вдруг расхохотался.

– А ты ничего, парень, молодец! – пророкотал он. – Это я просто проверял, из чего ты сделан – из навоза или из стали. Тест пройден, с таким проводником я пойду в Зону.

От хлопка по плечу лапищей величиной с лопату Богдан слегка присел. А Ран же, ухмыльнувшись, развернулся и вышел из туалета.

Богдан выкинул в унитаз потухший окурок, вытащил из пачки новую сигарету, прикурил, сел на подоконник и задумался. А как бы он раньше поступил в подобной ситуации? Предположить сложно, но не исключено, что вывод Рана был бы не в его пользу. Сейчас же он очень живо представил, что случилось бы со спецназовцем, если б и правда пришлось с ним схлестнуться. Он, конечно, бугай серьезный, но пока такая машина развернется для удара, всегда можно успеть поднырнуть под руку, одновременно выдергивая из-за голенища засапожник – а дальше понятно. Пах, глаза, горло и сонные артерии у всех одинаково доступны, что у дохляков, что у спортсменов, их не накачать штангами да гантелями. Конечно, спецназовский инструктор по рукопашному бою – это серьезно, но в тесном туалете шансы на победу у них с Богданом были примерно равными.

Богдан удивился своим мыслям, но уже не так, как недавно в Ораном, когда он стоял над трупами бандитов. Протон вон считает, что это Зона его так изменила. Возможно, ученый и прав. Взять тех же мутантов, которые из безобидных зверюшек превратились в беспощадных убийц… И сейчас ему вновь нужно идти туда, на зараженную землю…

Ну что ж, надо так надо.

Назначенный ректором перекур подходил к концу, поэтому Богдан отправил второй «бычок» вслед за первым и вышел из туалета. Настало время посмотреть,

чем богаты склады Института аномальных зон, с виду больше напоминающего хорошо укрепленную крепость.

* * *

– Ну, чё нарыли?

Взгляд Палача был так же тяжел, как и его кулаки, лежащие на столе и похожие на колотушки для отбивания мяса.

Заместитель «пахана» Васька Шалый и трое бойцов из его «пристяжи» выглядели слегка запыхавшимися.

– Короче, мы на уши всё Ораное поставили и во чё накопали. Бабка Салтычиха не спала и всю фишку пропасла. Она базарит, мол, это сталкер Богдан всех троих вглухую заделал. Они, типа, на него наехали по беспределу, и он их всех за пару секунд заземлил. Правда, потом тухло обставился, типа, пацаны сами себя порешили, но это мы с ходу просекли…

– Ну, не с ходу… – протянул один из «пристяжи», но Васька зыркнул на него волком, и тот сразу заткнулся.

– Значит, Богдан, – протянул Палач. – А там точно Салтычиха бухлом зенки с вечера не залила? Может, ей с будуна привиделось?

– Не, – мотнул головой Васька. – Трезвая старая карга как стекло, я понюхал.

– И чуть не сблевал, – хмыкнул всё тот же «пристяжной».

– Ты, Кардан, лучше хлебало завали, – уже конкретно вызверился на него Шалый. – Пока я тебе его не завалил. Вместе с тобой.

– Так, ша! – хлопнул по столу Палач. – У меня брата мочканули, а вы тут гнилые базары разводите на пустом месте. Богдана вычислили?

– Нет его, – мотнул головой Васька. – По ходу, люди видели, что он к Протону в тачку прыгнул, и укатили они к Институту.

– Чё там сталкер забыл? – поднял брови «пахан».

– Я уже ту тему раскрутил, – хмыкнул Шалый. – Бармен коланулся. Типа, Богдан к научникам в проводники нанялся. Поведет их в Зону.

– Годно, – кивнул Палач. – Там мы его и накроем, без шума и пыли. Короче, так. Цепляй еще десяток пацанов. В схроне возьмете самые конкретные стволы, люксовую снарягу, воды и хавчика на неделю. Вертухаев предупреди, чтоб по нам с вышек не шмаляли, кому надо, на лапу дай. Как всё обстряпаешь, сразу кандёхаем в Зону через северный лаз. Я с вами двину. Всё вкурил?

– А то, – кивнул Васька. – Только чё жрачки-то на неделю? И куда столько братвы на одного сталкерюгу? Мы его впятером не вальнем, что ли, на раз-два-три?

Палач смерил своего заместителя долгим взглядом.

– Конкретный ты пацан, Шалый, но мозгов как у воробушка. Тот сталкер в одну харю из аварийного блока вырулил и яйцеголового на себе выволок. Плюс с ним научники будут, наверняка все со стволами. По ходу, даже самое чмурное тело вполне может курок спустить. А что хавчика на неделю – так то ж Зона…

– Чуешь чего, Палач? – вмиг став сосредоточенным, спросил Васька.

– Чую, что забазарились мы тут, – отрезал «пахан». – Пора дело делать.

* * *

Склад Института аномальных зон оказался богатым. Небольшую армию экипировать можно. Помимо всякого научного оборудования тут и оружейка имелась неслабая, которая Богдана сильно заинтересовала. Огнестрел он недолюбливал, но пользоваться умел: в армии как-никак служил, причем не где-нибудь, а в Афгане…

Эти воспоминания Богдан постоянно старался загнать внутрь себя, но они всё равно всплывали, как трупы, которые попытался утопить неопытный убийца. Отсюда и нелюбовь к огнестрельному оружию, которым в свое время пришлось попользоваться вдосталь.

Свой засапожник, не раз выручавший в трудную минуту, Богдан оставил себе. Как и самодельный лагерный нож-тесак, сделанный из рессоры и закаленный тоже собственноручно. Не впечатлили сталкера фабричные ножи, души, что ли, в них не было. А к огнестрелу он и не присматривался, хотя хватало его в избытке. С защитными костюмами тоже связываться не стал, только камуфляж себе новый выбрал, а то старая одежда совсем поизносилась. Ну и продуктами затарился, сложив их в удобный импортный рюкзак, который взял здесь же, на складе.

– Больно скромно ты экипируешься, – заметил Ран.

– Нормально, – пожал плечами сталкер. – Ты это, скажи своим, чтоб брали только «калаши», а то я смотрю, каждый хватает то, что ему привычней. Патроны должны быть у всех одни и те же, мало ли что. Пистолеты лучше не берите. Мутанта из него не завалить, только лишний вес таскать. А застрелиться, если что, и из автомата можно.

– Как же ты с одними ножами в Зону ходил? – удивленно поднял брови Ран.

– Ножами, если что, мне привычнее, – сказал Богдан. – Для того, кто знает, куда их воткнуть, в Зоне огнестрел не особо и нужен.

Кстати, на тяжелые научные костюмы никто из группы не позарился – из тех же соображений, что лишние пятнадцать килограмм в дальнем рейде всегда лишние. На это старикашка-ректор обиженно поджал губы, но ничего не сказал. А вот пистолет Заммер всё-таки взял помимо автомата, несмотря на рекомендации Богдана. И Воронова пристегнула к поясу кобуру с автоматическим пистолетом Стечкина. Есть военные, которые не могут жить без компактного личного оружия, и сапёр со старшим лейтенантом наверняка были из их числа.

Кстати, автоматы Калашникова были хороши. Улучшенной модификации, с планками Вивера, к которым хочешь гранатомет крепи, хочешь фонарь, а

хочешь какой-то странный прицел, который старикашка-ректор назвал диковинным словом «коллиматорный». Впрочем, суперавтоматы Богдана всё равно не впечатлили. Принципы есть принципы.

…Через час группа была экипирована полностью, и Ран дал команду на выход. Горизонт на востоке уже посветлел, готовясь окраситься лучами рассветного солнца. Самое годное время для начала любых дел, связанных с долгим дневным переходом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sillov_dmitriy/zakon-vyzhivshih

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить